

Ева Антонникова: «Я должна сопровождать Анну до конца» | Eva Antonnikov : « Je dois accompagner Anna jusqu'au bout »

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 10.05.2023.

Photo © Nashagazeta

Наша сегодняшняя гостья – швейцарская переводчица, в настоящее время

работающая над новым французским переводом романа Льва Толстого «Анна Каренина». Мы с удовольствием знакомим читателей с этим тонким, глубоким и очень доброжелательным человеком.

|

Notre invitée est une traductrice suisse qui travaille actuellement sur la nouvelle traduction française du roman « Anna Karénine » de Léon Tolstoï. C'est avec plaisir que nous vous présentons une personne fine, profonde et bienveillante.

Eva Antonnikov : « Je dois accompagner Anna jusqu'au bout »

Ева, у Вас русская фамилия. Есть ли и русские корни?

Русских корней у меня нет, а фамилия осталась от первого мужа, я не захотела ее менять. Я родилась в Швейцарии, мои родители – австрийцы из Вены – незадолго до моего рождения переехали в Цюрих, сохранив в доме австрийскую культуру и традиции.

При отсутствии корней, чем вызван интерес к русскому языку? Где Вы его изучали?

Интерес был вызван моей мамой, которая всегда мечтала выучить русский, чтобы читать русских классиков – например, Достоевского – в оригинале. И выучила! И если разговорный язык остался у нее на среднем уровне, то читать она могла свободно. Изучение русского началось для меня как бы с игры с мамой, позже я вместе с ней смотрела курсы русского языка, которые тогда передавали по телевидению. К тому времени я уже знала другие языки, так что было не слишком сложно. Позже, в Лозаннском университете, я изучала русскую литературу у прекрасных профессоров Леонида Геллера и англичанина Робина Кемпбелла, а дома практиковалась с мужем. К сожалению, курсов именно языка в университете не было, лекции велись на французском, обсуждаемые книги допускалось читать и в переводе, так что среди тех, кто окончил со мной факультет, были так и не выучившие русский.

Произошло ли за годы учебы какое-то открытие?

Да, им стала «Пиковая дама» Пушкина. Я обожаю это произведение! Тогда я еще слабо знала русский, но пыталась читать, буквально каждое слово сверяя со словарем. И я была так тронута, когда первыми моими переводами для парижского издательства Éditions Gallmeister стала именно проза Пушкина.

Как Вы решили стать литературным переводчиком?

Я даже не могу сказать, что что-то решила, просто было такое счастливое стечение обстоятельств. И языки вообще, и переход с одного языка на другой всегда меня интересовали. На тогдашней моей работе я переводила, например, путеводители – с английского, с немецкого, подрабатывала переводами юридических текстов. Конечно, это не литературный перевод, но все же и не совсем технический. Литературный перевод пришел довольно поздно: мне предложили перевести небольшую книгу с английского. А первым переводом с русского стал маленький сборник стихов Даниила Хармса под названием «Самовар».

Это же так трудно!

Да, но ТАК интересно! Сначала я выбрала стихотворения, которые показались мне если не самыми легкими, то возможными для перевода. Получилось красивое двуязычное издание.

Храбрый ёж
Le vaillant petit hérisson

Стоял на столе ящик.
Подожли звери к ящику, стали его осматривать,
обнюхивать и облизывать.
А ящик-то вдруг – раз, два, три – и открылся.
А из ящика-то – раз, два, три – змея высочила.
Испугались звери и разбежались.
Один ёж не испугался, кинулся на змею и – раз,
два, три – загрыз её.
А потом сел на ящик и закричал: «Кукареку!».
Нет, не так! Ёж закричал: «ав-ав-ав!».
Нет, и не так! Ёж закричал: «мяу-мяу-мяу!».
Нет, опять не так! Я и сам не знаю как.
Кто знает, как ежи кричат?

1935

Le vaillant petit hérisson
Храбрый ёж

Sur la table: une caisse.
Les animaux s'approchèrent de la caisse, l'observèrent,
la reniflèrent, la lèchèrent...
Or voilà que, soudain – un, deux, trois – la caisse
s'ouvrit.
Voilà que de la caisse – un, deux, trois – un serpent
surgit.
Affolés, les animaux détalèrent en tous sens.
Hérisson, quant à lui, se ruant sur le serpent – un,
deux, trois – le déchiqueta à coups de dents.
Après quoi, il s'assit sur la caisse et cria: «Cocorico!»
Non, ce n'est pas ça! Le hérisson cria: «Wouf-wouf!»
Non, ce n'est pas ça non plus! Le hérisson cria:
«Miaou-miaou!»
Non, toujours pas ça! En fait, je ne sais pas.
Qui sait comment crient les hérissons?

Вы переводите не на родной немецкий, а на выученный французский, что редкость. Почему так?

Я переехала в Лозанну еще в 1980 году, училась на французском. Думаю, мне было бы неестественно переводить на немецкий, французский стал роднее.

Как по-Вашему, художественный перевод – это ремесло или искусство?

Хороший вопрос! Наверное, и то, и другое. Я часто сравниваю литературный перевод с интерпретацией музыки. Есть ноты, которые надо уметь читать и правильно играть, для этого нужна техника, то есть ремесло. А остальное – дело интерпретации, экспрессии, это уже искусство. Так и с текстом.

Как возник «пушкинский проект», который Вы упомянули ранее?

Неожиданно. В январе 2021 года я получила мэйл от Éditions Gallmeister, которое искало переводчиков русской классики – издательство решило тогда выпустить целую серию знаковых произведений. Сначала мне предложили «Братьев Карамазовых», и я отказалась, поскольку было много другой работы. Но вызвалась перевести что-то меньшее по объему. В итоге, пройдя тест, с огромным удовольствием взялась за «Капитанскую дочку», к которой потом добавились «Пиковая дама» и «Повести Белкина». Работа над пушкинскими текстами была настоящим счастьем, особенно над «Пиковой дамой», которую когда-то я переводила для себя по отдельным словам. Этот сборник выйдет в будущем году.

Сейчас Вы переводите «Анну Каренину» - серьезнейшая задача... Как Вы пришли к великому роману?

Опять помогло счастливое стечение обстоятельств. Перевод «Капитанской дочки» был почти закончен, я была в Париже, встретила с сотрудницей издательства Gallmeister Екатериной Кулешовой... и получила новое предложение. Подумав

несколько дней, я согласилась.

Существует несколько переводов «Анны Карениной» на французский. Первый вышел в 1885 году, второй, выполненный Анри Монго, в 1933-м, в серии «Русская классика» издательства Gallimard, третий, Ольги Веселовской и Клер Робер, в 1951-м (этот перевод был переиздан в 1960 году). В том же году Анри Монго сделал новый перевод романа, который вышел в знаменитой серии издательства Gallimard «Bibliothèque de la Pléiade» с предисловием Пьера Паскаля, «католика и большевика», о котором очень интересно [рассказал](#) нашим читателям профессор Жорж Нива. В 1999-м Flammarion выпустил еще один перевод – Сильви Люно. Чем продиктована потребность в новой попытке? Чем аргументирует издательство свое решение?

Это выбор издательства, решившего переиздать классические тексты – не только Толстого и Достоевского, но и Марка Твена, Конан Дойля, Джейн Остин.... Как объясняла мне Екатерина Кулешова, они с Оливер Галлмейстером размышляли над этим проектом – серия называется LITERA – три года и в итоге остановили свой выбор над книгами, которые когда-то пробудили в них самих страсть к издательской деятельности.

Со своей стороны могу сказать, что профессия переводчика также не стояла на месте – литературный перевод стал гораздо более точным, более близким к авторскому тексту. Заглядывая порой в перевод в «Плеяде», я замечая, что некоторые места пропущены, некоторые как-то «обойдены». Андре Маркович, например, заново переводя всего Достоевского, отметил, что прежние переводы не передали «духа Достоевского».

Даже в России появилась сейчас тенденция публиковать классические произведения в адаптированном или сокращенном виде – из опасения, что современный читатель их не осилит, да и просто многого не поймет. Об этом ведутся бурные дебаты. Что Вы об этом думаете?

Я категорически против и в ужасе от этого.

Если есть опасения за понимание текстов русскоязычными читателями, то что же говорить об иностранцах? Вас это не беспокоит?

Нет, не беспокоит. В случае необходимости я делаю комментарии, причем стараюсь делать их как можно меньше, ведь это затрудняет чтение. Получается не так много. Иногда мне самой приходится трудно, поскольку в романе затронуты такие разные области, как сельское хозяйство и бальные туалеты светских дам петербургского высшего света – со всеми деталями и подробностями. Я и на французском не знаю некоторых слов, приходится искать. Мне очень нравится именно точность, правильность описаний Толстого, он пишет с полным знанием дела и о сенокосе, и о женщинах, и о детях, и о собаках...

Многие герои романа Толстого легко переходят с русского на французский и/или английский, что было для них нормально и не являлось препятствием для их «русскости». Для русскоязычного читателя такие «выделения» на иностранных языках многое говорят о персонажах, причем не только об их социальной принадлежности, но иногда и о политических взглядах. Как Вы справляетесь с этим в переводе на французский?

Французские пассажи я сохраняю, помечая звездочкой, которая означает, что так было и в оригинале. А английский оставляю, делая перевод в сносках. Не думаю, что это очень помешает читателям.

Изменился ли французский со времен Толстого?

По-моему, нет. По крайней мере, меня ничто не шокировало. Правда, и текста на французском в «Анне Карениной» меньше, чем в «Войне и мире».

Помните ли Вы, когда впервые прочитали «Анну Каренину», и воспринимается ли роман сегодня иначе?

Да, это было в студенческие годы, я прочитала его по-русски. Разумеется, не так внимательно, дотошно как сейчас, когда я работаю над переводом. Возможно, на восприятие влияет и иной подход к тексту, и жизненный опыт. Например, Каренин запомнился мне, как довольно неприятный человек, постоянно хрустящий пальцами. Сейчас же я отношусь к нему чуть ли не с сочувствием. Конечно, на восприятие персонажей влияют и кинематографические версии, я видела их три, все они очень разные. Наверное, у каждого своя Анна.

Какова «Ваша» Анна? Понимаете ли Вы ее?

Трудно ответить на этот вопрос. Я понимаю ее, но не всегда, не во всем. Разумеется, и время было другое, и отношение к разводу тоже. Пожалуй, лучше всего я понимаю ее отношения с сыном, ведь у меня самой есть сын. Эти сцены в романе просто душераздирающие, Толстой опять невероятно точен в передаче эмоций. Недавно мне попала статья на русском языке, в которой Анна описывалась как эгоистка, никого толком не любящая. Я предпочитаю такие вещи не читать, чтобы они на меня не влияли: сегодня Анна – моя героиня, я должна сопровождать ее до конца, в буквальном смысле слова.

Сколько времени займет у Вас перевод «Анны Карениной»?

Мне кажется, я уже так давно над ним работаю... В целом, где-то год – я должна сдать работу в издательство в конце августа. Екатерина предупредила меня, что на очереди «Война и мир». Боюсь, это не было шуткой, но стараюсь пока об этом не думать. (Смеется.)

Проект издательства Gallmeister сформировался до начала войны в Украине. Повлияла ли война на их планы? На Ваше собственное желание переводить русскую литературу?

Нет, на планы издательства война не повлияла. А что касается меня, я прекрасно помню, что 24 февраля 2022 года я сидела в библиотеке, работала над «Анной Карениной» и думала именно о том, о чем Вы спрашиваете. Думала, стал ли русский языком врага. Это было ужасно. Но, конечно, это была первая реакция на полученный шок, преодолеть который, суметь не смешивать понятия мне помогла именно красота толстовского текста, переводить который, как и пушкинские, – счастье. Вообще, счастье в такой обстановке иметь возможность заниматься любимым делом.

Любое издательство – коммерческая структура, и, если проект продолжается, значит, есть уверенность в спросе. Как Вам кажется, уменьшила ли война интерес к русской литературе или, наоборот, возбудила?

Думаю, люди реагируют по-разному. Кто-то отверг русскую культуру, кто-то взял паузу, но кто-то наверняка заинтересовался, особенно те, кто плохо с ней знаком. Многие люди пытаются сейчас понять причины происходящего, а в русской литературе 19 века содержатся ответы на многие вопросы: споры между западниками и славянофилами не потеряли актуальности и сегодня. Я читаю сейчас [биографию Достоевского](#), написанную Джозефом Франком, и очень много об этом думаю.

С началом войны культура сразу вышла на первый план, став и орудием, и заложницей. Считаете ли Вы нормальной такую связь между политикой и культурой? Может ли еще существовать «чистое искусство»?

Нет, в «чистое искусство» я не верю, а насчет двойной роли культуры Вы правы, поэтому настолько важно сохранять здравый смысл и в этом вопросе тоже.

Сейчас часто сравнивают антивоенную русскую интеллигенцию с немецкой антифашистской. Однако немецкие писатели, насколько я знаю, от немецкого языка не отказывались, как делают некоторые русскоязычные. Понимаете ли Вы их?

Нет. Мне кажется, русскоязычные писатели должны, наоборот, защищать русский язык.

Согласимся, что в русской литературе можно найти объяснение части причин сегодняшней трагедии, но где найти выходы из нее?

К сожалению, я пессимистично настроена и насчет результатов войны, и насчет будущего России: новости оттуда пугают, слишком явно указывая на возврат в прошлое – участвовавшие допросы, жесточайшие приговоры. Увы, будущее России видится мне мрачным.

[Жорж Нива](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/eva-antonnikova-ya-dolzha-soprovodit-dat-annu-do-konca>